
ЛИТЕРАТУРА XIX в.

Русская литература

УДК 821.161.1

МАНЬКОВСКИЙ А.В.¹ «РАССКАЗ ОТЦА АЛЕКСЕЯ» В СОСТАВЕ ЦИКЛА «ТАИНСТВЕННЫХ ПОВЕСТЕЙ» И.С. ТУРГЕНЕВА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ. (Обзор).
DOI: 10.31249/lit/2021.03.12

Аннотация. К «Рассказу отца Алексея» (1877) исследователи обращаются реже, чем к другим «таинственным повестям» И.С. Тургенева, не всегда включают произведение в этот условный цикл. Между тем оно занимает важное место среди поздних новелл писателя, содержит ряд загадок. Одни исследователи сравнивают «Рассказ...» с произведениями Н.С. Лескова и Ф.М. Достоевского, другие интерпретируют его с точки зрения мифопоэтики и психоанализа, в контексте агиографической топики, древнерусской книжности и фольклора. В самых последних работах применяется и нарратологическая парадигма.

Ключевые слова: И.С. Тургенев; «Рассказ отца Алексея»; «таинственные повести»; Ф.М. Достоевский; галлюцинации; мифопоэтика; подсознательное; нарратология.

MANKOVSKY A.V. «The Story of the Priest Alexei» as a part of the cycle of «mysterious stories» by I.S. Turgenev: preliminary results of the study. (Review).

¹ Маньковский Аркадий Владимирович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН.

Abstract. «The Story of the Priest Alexei» (1877) is examined in general less often than other «mysterious stories» by I.S. Turgenev, sometimes remains even not included into this series. Meanwhile, its place among the later short stories by Turgenev is important, several mysteries associate with it. Some scholars compare «The Story...» to the works by N.S. Leskov and F.M. Dostoevsky; others interpret it in terms of mythopoetics and psychoanalysis or in the contexts of hagiographic topics, old Russian bookishness and folklore. Some authors of recent works base their readings on the narratological paradigm.

Keywords: I.S. Turgenev; «The Story of the Priest Alexei»; «mysterious stories»; F.M. Dostoevsky; hallucination; mythopoetics; unconscious; narratology.

Для цитирования: Маньковский А.В. «Рассказ отца Алексея» в составе цикла «таинственных повестей» И.С. Тургенева : предварительные итоги изучения. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2021. – № 3. – С. 133–145. DOI: 10.31249/lit/2021.03.12

«Рассказ отца Алексея» (1877) гораздо реже, чем другие «таинственные повести», привлекает внимание исследователей¹; мало того, не все исследователи этого условного цикла включают произведение в его состав². Между тем эта поздняя «студия» Тургенева весьма необычна на фоне его «малой прозы» 1860–1880-х годов и представляет несомненный интерес.

Еще Л.В. Пумпянский, называя «Рассказ...» среди тех тургеневских новелл, в которых сверхъестественное явление стоит в центре действия, и сближая его с «Собакой» (1866) «по методу впавления таинственного в сказово-бытовое окружение», указывал, что сказовый «демократизм» обоих произведений объясняется

¹ Об этом: Битюгова И.А. [Примечания : Рассказ отца Алексея] // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва, 1982. – Т. 9. – С. 477. См. также: [4, с. 150].

² Не включает, напр., хоть и с оговорками, А.Б. Муратов. См.: Муратов А.Б. Тургенев-новеллист, (1870–1880-е годы). – Ленинград, 1985. – С. 41, 101; из новых работ: Кожевникова А.Г. «Таинственные повести» И.С. Тургенева в аспекте синестетической поэтики // И.С. Тургенев и время : сб. статей / ред. В.С. Киселёв. – Томск, 2019. – С. 102.

«стремлением максимально нейтрализовать (художественно) сверхъестественное явление, <...> дать ему уездную, полуфольклорную, “лесковскую” перспективу», однако в «Рассказе...» «этот метод представлен более бледно»¹. С.Е. Шаталов, обращая внимание на то, что «крошечная повесть», или «вкладной» рассказ, Тургенева состоит из «рамки, обрисованной повествователем, и вставленной в рамку истории», поведенной «сельским попиком», пытается определить характер самой повествовательной «рамки»².

И.А. Битюгова сопоставляет эпизод несостоявшегося поругания святыни, описанный в заметке «Влас» из «Дневника писателя» (1873) Ф.М. Достоевского, и эпизод святотатства Якова в «Рассказе...»³, а Е.В. Тюхова, сравнивая образы Якова и Ивана Карамазова в романе «Братья Карамазовы» (1878–1880), отмечает, что оба писателя «независимо друг от друга нашли один и тот же художественный “знак” для выражения мучительных и трагических сомнений своих героев – образ черта: сто́ит Якову, для которого «его религиозность оказалась непреодолимой», поверить во что-то святое, «тотчас его “черт”, т.е. его сомнения, усиливаются», что напоминает «бездны» Достоевского. «Рассказ...» – «не просто психологический этюд»; это «трагическая история сознания, несостоявшихся убеждений»⁴. А.Б. Муратов, ставя «Рассказ...» в ряд с такими поздними произведениями Тургенева, как рассказ «Часы» (1875), повесть «Пунин и Бабурин» (1872–1874), и под другим углом развивая мысль Е.В. Тюховой, показывает, что главное здесь –

¹ Пумпянский Л.В. Группа «таинственных повестей» // Пумпянский Л.В. Классическая традиция : собрание трудов по истории русской литературы / отв. ред. А.П. Чудаков. – Москва, 2000. – С. 448–449, 457–458.

² Шаталов С.Е. «Таинственные повести» И.С. Тургенева // Учен. зап. Арзамасского пед. ин-та. – Арзамас, 1962. – Т. 5., вып. 4: Вопросы литературоведения. – С. 54–61.

³ Битюгова И.А. [Примечания : Рассказ отца Алексея]. – С. 469. См. также более раннюю версию комментариев к «Рассказу...» того же автора в: Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. – Москва ; Ленинград, 1966. – Т. 11. – С. 533.

⁴ Тюхова Е.В. «Рассказ отца Алексея» Тургенева и Достоевский // Пятый межвузовский тургеневский сборник. Тургенев и русские писатели. – Курск, 1975. – С. 68, 75, 70, 79, 80.

не разрешение загадки галлюцинаций Якова, а «мучительный перелом в сознании разночинца, разрыв которого с миром привычных представлений оказывается сложным духовным процессом»¹. Таковы вкратце наиболее значительные суждения о «Рассказе...» в старых работах. Обратимся к современным исследованиям.

Линию сопоставления с Достоевским – но уже с романом «Бесы» (1870–1872) – продолжает Е.М. Конышев [см.: 6, с. 183–185; 5]: оба писателя «изображают поведение человека, попавшего под власть демонических сил», в сходных чертах [5, с. 26]. Оба они в описании людей одержимых используют традиции древнерусской литературы; «вместе с тем демонология “Рассказа отца Алексея” и “Бесов” во многом отличается от средневековых текстов», так как у обоих писателей «нет стремления к пластически-наглядному изображению нечистой силы» [5, с. 27]. Зато оба, по мнению исследователя, «показывают зло как силу, объективно существующую в мире и властно подчиняющую себе тех, кто отошел от Бога» [5, с. 28].

Автор признает правоту тех критиков и литературоведов, которые объясняли «определенную неустойчивость в вере, свойственную праведникам Достоевского <...>, тем, что писатель почти не показывает их связь с Церковью» [5, с. 28]. И тут пальму первенства неожиданно получает Тургенев, который «в своем рассказе воссоздает именно церковно-религиозный уклад народной жизни» [5, с. 29]. Его отец Алексей – природно-православный человек: «На протяжении двухсот лет деды и прадеды отца Алексея становились священниками в их приходе. Один из сыновей его вышел в архиереи, другой, Яков, учился в семинарии и должен был стать преемником своего отца. <...> Традиции и окружение оказывают на него столь глубокое воздействие, что вера отца Алексея не знает никаких сомнений» [там же]. И хотя «рассказ Тургенева в целом написан, прежде всего, с позиций безрелигиозного сознания», писатель способен «силой своего воображения проникнуть в тот иной мир, где все совершается на фоне борьбы

¹ Муратов А.Б. Тургенев-новелист, (1870–1880-е годы). – С. 41.

Бога с дьяволом и в перспективе грядущего Царства Божия» [5, с. 29].

На взгляд А.В. Дроздовой [2], «проблема поколений», остро поставленная Тургеневым в романе «Отцы и дети» (1860–1861), нашла отражение не только в нем, но и в поздних произведениях малых жанров, к которым относится «Рассказ...». Автор статьи пытается провести параллель между отцом Алексеем и «отцами» в романе (Николай Петрович), а в образе Якова находит черты, подчеркивающие его родство с «базаровским типом» [2, с. 71], несмотря на все различия между героями. Как и С.Е. Шаталов в работе 1962 г.¹, А.В. Дроздова датирует события, происходящие в «Рассказе...», не 1860-ми, а 1840–1850-ми годами [2, с. 71].

В.Б. Мусий задается целью изучить рассказ в аспекте проявления в нем «романтического по своей природе мотива двойничества» [8]. «Мысль о наличии у человека его “черного” двойника» в произведениях русских писателей начала XIX в., считает исследователь, приводит к постепенному формированию в литературе такого художественного принципа, как психологизм. Тургенев в значительной степени продолжает «начатую романтиками версию трагической судьбы человека в результате проникновения в его душу демонического. Экзистенциальное объективное (зло, существующее извне) овладевает человеком и постепенно превращается в экзистенциальное субъективное, т.е. в частицу “я” этого человека, и разрушает это “я” изнутри» [8].

Происходящему с героем Тургенев дает как психологическую, так и фантастическую (мифопоэтическую) мотивировку. Так, исследователь выделяет в процессе «развития отчуждения Якова от мира» два этапа: один связан с явлением «зеленого старичка» в детстве, в лесу; другой, в пору студенчества, – с явлением «черного человека». Первый персонаж не характерен для славянской мифологии; существенно, однако, что встреча с ним происходит под Петров день, – это «одна из календарных вех, когда активизировались духи» [8]. Второй этап гораздо драматичнее и связан с выходом на центральное место психологической мотиви-

¹ Шаталов С.Е. «Таинственные повести» И.С. Тургенева. – С. 56.

ровки. Попытки примирить «религиозное», впитанное с детства, и «научное», полученное в университете, «оказываются для Якова в непреодолимом противоречии»: «ему начинает казаться, что он одержим бесом» [8], а стремление преодолеть внутренний разлад завершается поражением.

Анализ действия бессознательного в Якове позволяет выявить его субъективные переживания, которые «объективировались в образ реального существа», заставляющего его невыносимо страдать, что с научной точки зрения может объясняться как внушением, так и самовнушением [8]. «Для И.С. Тургенева, – заключает автор, – в “Рассказе отца Алексея” главным было художественное исследование драматизма восприятия мифологически мыслящим человеком переломного для общества момента кризиса патриархально-религиозного сознания, его неготовности справиться с тем, что несли с собой рефлексия, отказ от традиций, укрепление самостоятельного, свободного от авторитетов взгляда на мир» [8].

Н.В. Кургузова [7] рассматривает «Рассказ...» в сопоставлении с житийной и народно-религиозной традицией, подчеркивая знаковый характер выбранных Тургеневым для своих персонажей имен: Алексей – в честь Алексея, человека Божьего; Яков – в честь Иакова, брата Господня, одного из 70, или Иакова Алфеева, «двоюродного брата Иисуса, одного из 12 апостолов» [7, с. 112]; Марфа (имя соседки) – в честь сестры Марии и Лазаря, «в дом которых пришел с учениками Христос» [7, с. 112–113], одной из жемчужинок. Автор статьи отмечает такую важную особенность жанра жития, как «необходимость рассказать обо всей жизни героя, с рождения до смерти», которая «определяла сходство в различных житиях сюжетных линий повествования», – она нашла отражение и у Тургенева. Например, «рождение от благочестивых родителей» [7, с. 113] («...У меня была жена добрая и степенная»¹) или «склонность к книжному учению» [7, с. 113] («бывало, день пройдет – и не услышишь его... все с книжкой сидит да читает»²).

¹ Тургенев И.С. Рассказ отца Алексея // Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва, 1982. – Т. 9. – С. 122.

² Там же.

Н.В. Кургузова говорит также о «календарном сознании» отца Алексея, приурочивающего главные события рассказа к Петрову дню и к Святкам – времени особой активности нечистой силы в народном представлении. Встреча в лесу «в Петров день» с зеленым старичком, который дал мальчику орешки, происходит, по-видимому, потому, что он «нарушает запрет на хождение в этот день в лес»¹ [7, с. 113]. Образ старичка «вызывает неизбежные ассоциации с образом лешего». В быличках он «часто предстает как старик с седыми или зелеными длинными волосами в рваной одежде, с зелеными глазами», а само слово «зеленый» – «одно из прозвищ нечистой силы». Там же, в лесу, нарушены еще два запрета: «...вкушение пищи от незнакомого человека <...> и вкушение плодов нового урожая до осв<я>щения их в храме» [7, с. 113]. Об одержимости сына отец Алексей узнает «во время Святко».

Если ориентироваться на канон «мученического жития», то Якову, вероятно, «было суждено в качестве испытания противостоять дьявольскому искушению» [7, с. 114]. Н.В. Кургузова приходит к выводу, что «житийные и фольклорные мотивы в “Рассказе отца Алексея” являются сюжетообразующими, именно они позволяют и в полной мере отразить мировоззрение простого сельского священника, и восполнить сюжетные лакуны» [7, с. 114]. Так, мы не знаем, что именно произошло с Яковым в Москве² («...нынешним летом в один проклятый день»³), но «в народных представлениях об одержимости и бесах человек попадает под власть нечистой силы в том случае, если сам согрешит или совершит святотатство, допустит поношение Святого Духа» [7, с. 114].

Исследовательница обращает внимание на значимую деталь в описании внешности Якова: «волосы дыбом»⁴, – деталь, которая заставляет вспомнить, что «именно так изображались на иконах

¹ У Тургенева, правда, сказано: «под самый Петров день», т.е. накануне. См.: Там же.

² Автор статьи ошибочно называет Петербург, он, однако, в рассказе не упоминается: Яков поступает в Московский университет.

³ Тургенев И.С. Рассказ отца Алексея. – С. 126.

⁴ Там же. – С. 130.

одержимые бесами люди». Яков проигрывает борьбу с «внутренним демоном», «так как с детства “обещан” нечистой силе». «Структурно “Рассказ отца Алексея” соответствует житийному канону, однако перед нами “антижитие”, так как Яков не смог повторить деяние Христа и стать святым». И все же «просветленный вид героя в гробу» [7, с. 115] («...уж очень он хорош лежал в гробу <...>. Лицо такое тихое, чистое, волосы колечками завились – а на губах улыбка»¹) соответствует житийной традиции победы над бесом.

М.В. Антонова [1] также отмечает «связь сюжета тургеневского рассказа и образа Якова с агиографической топиной», а задачей своего исследования видит «рассмотрение соотношения тургеневского текста с традициями средневековой русской книжности» [1, с. 446], помогающими понять генезис того «антижития» Якова, о котором говорит Н.В. Кургuzова. Так, если в повествовании о гибели сына отец Алексей невольно следует «агиографической схеме» («рассказ о благочестивых родителях – книжное учение – смирение и задумчивость») [там же], то сам Яков скорее относится «к категории бесноватых, но не в чистой форме, т. к. бес не вселился в него, а является ему, влияет со стороны» [1, с. 447].

М.В. Антонова приводит примеры из таких разноплановых произведений, как «Житие Нифонта Констанцкого» (ок. X в.), «Житие протопopa Аввакума» (XVII в.), «Повесть о бесноватой жене Соломонии» (ее упоминает и Н.В. Кургuzова в [7, с. 114]), герои которых видят бесов и побеждают их. Особенно показателен последний текст, так как его героиня – не святая, а бесноватая, мучимая бесом в течение многих лет. Ее отцу, священнику, «необходимо было запомнить имена демонов и проклинать их в алтаре» [1, с. 447], а самой Соломонии, дабы исцелиться, – совершить паломничество в Устюг и молиться Иоанну чудотворцу и святому Прокoпию. В соотношении с агиографией рассматривается и образ беса, который преследует Якова: «черный человек», которого видит взрослый Яков (в отличие от встреченного в детстве «зеленого старичка», напоминающего лешего, «каким его обычно описывают

¹ Тургенев И.С. Рассказ отца Алексея. – С. 131–132.

в Орловской области)), «уже значительно ближе именно к христианской традиции изображения черта»: «Чернота нечистого является его характерной чертой, которая отражается и в иконографии, и в житийных описаниях» [1, с. 448].

Автор статьи останавливается и на «наименее очевидных параллелях» с древнерусской беллетристической литературой XVII в.; по мнению исследовательницы, «они весьма существенны и значимы, поскольку отражают уже не позицию рассказчика – сельского священника, а авторскую модальность» [1, с. 449]. Анализ сюжетной ситуации, изображенной в рассказе Тургенева, позволяет сопоставить его с такими произведениями XVII в., как «Повесть о Горе-Злочастии» и «Повесть о Савве Грудцыне» (издание их, соответственно, в 1856 и 1859 гг. делает вероятным предположение о том, что к моменту создания рассказа обе повести могли быть известны Тургеневу). Согласно М.В. Антоновой, «сюжетная модель тургеневского рассказа и древнерусской “Повести о Горе-Злочастии” совпадают в основных чертах: отказ от родительского жизненного пути – грехопадение – возвращение к традиционному пути – попытка жениться (обрести счастье в любви) – новое грехопадение – попытка избавиться от дьявольского преследования» [1, с. 451]. Параллели с «Повестью о Савве Грудцыне» [1, с. 450, 451] исследовательница усматривает лишь в завершении сюжета, хотя Якову, в отличие от Саввы, и не удастся искупить свой грех: «В содержательном плане, разумеется, Яков, Молодец и Савва Грудцын могут быть соотнесены весьма условно и приблизительно» [1, с. 451–452].

В контексте нарратологической парадигмы исследуют «Рассказ...» О.А. Иоскевич [3] и Е.Ю. Козьмина [4]. О.А. Иоскевич считает, что особенность нарративной стратегии в некоторых «таинственных повестях» заключается в том, что «повествование ведется нарратором, совмещенным с персонажем и включенным в повествуемый мир, т.е. рассказчиком», который «ограничен в знании и, соответственно, не понимает сам и не может объяснить читателю природу загадочных событий и явлений», описываемых в повести [3, с. 36]. Это «совмещение в одном субъекте повествования нарратора и персонажа, а также “ненадежность” нарратора

способствуют “затемнению” (blackout) смысла текста» и возникновению атмосферы таинственности [там же].

Образ «ненадежного» нарратора играет важную роль в «Рассказе отца Алексея», который представляет собой «историю в истории»: безымянный повествователь знакомится с сельским священником, рассказывающим о своем сыне, при этом часть событий передается от лица последнего. «Таким образом, возникает многослойность нарративной структуры произведения, что способствует усилению эффекта таинственности» [3, с. 39]. Таков эпизод с «зеленым старичком», о котором читатель узнает от безымянного повествователя, передающего рассказ отца Алексея со слов маленького Якова. В роли «ненадежного» нарратора здесь выступает сам Яков – «главный герой повествуемой истории» [3, с. 39–40].

То же самое следует сказать о явлении «черного человека» взрослому Якову. Что такое «черный человек», остается загадкой. В согласии с другими исследователями, автор указывает на то, что, «наряду с мистической и религиозной мотивировкой, в “Рассказе отца Алексея” важную роль играет психологическое объяснение происходящего». Исследователь подчеркивает: «Разнообразные мотивировки столкновения Якова со сверхъестественным становятся возможными благодаря введению в повествование образа “ненадежного” нарратора и постоянному совмещению нарраториальной и персональной точек зрения (и Яков, и отец Алексей выступают в качестве персонажа и нарратора одновременно)» [3, с. 40].

Решая на основе нарратологического подхода вопрос о жанровой специфике текста, Е.Ю. Козьмина [4] обращает внимание на тот факт, что большинство исследователей, за редким исключением¹, рассматривают отца Алексея в качестве рассказчика, а главным героем «Рассказа...» признается его сын – Яков. Между тем «отец Алексей вовсе не является основным субъектом речи; более того, его автономность как носителя речи более низкого уровня сильно ограничена», как показывает анализ нарративной структу-

¹ Напр.: Шаталов С.Е. «Таинственные повести» И.С. Тургенева. – С. 59.

ры произведения [4, с. 151]. Важно, что «речь отца Алексея представлена в произведении не как самостоятельная развернутая реплика-исповедь, возникшая в разговоре двух персонажей (повествователя и отца Алексея), а в пересказе этого повествователя <...>. Таким образом, перед нами случай двуголосого слова, однако случай особый: второе, внутреннее, слово сохраняет здесь четкие границы <...>; но в то же время включено в состав объемлющего высказывания», что усложняет структуру нарратива, так как «теперь читателю нужно учитывать не только соотношение речи отца Алексея и рассказанной им истории, но также соотношение высказываний и кругозоров отца Алексея и основного субъекта речи» [там же].

Каков же тип основного субъекта речи? Согласно терминологии Н.Д. Тамарченко, это «повествователь»¹ («...перед нами не рассказчик, хотя он и ведет свое повествование от первого лица; как субъект речи (а не действующий персонаж) он не становится объектом изображения ни для кого, кроме автора» [4, с. 152]), повествователь здесь – анонимный; он и рассказывает о своей встрече с сельским священником. Один из устойчивых мотивов сюжетной ситуации случайной встречи и откровенного разговора – исповедь персонажа.

Исповедь отца Алексея «по ряду жанровых признаков можно отнести к повести»: «В основе сюжета циклическая схема: жизнь Якова дома – отъезд сначала в семинарию, а затем в Москву (с краткими возвращениями домой) – окончательное возвращение и смерть Якова» [4, с. 153]. «Циклическая сюжетная схема предполагает ситуацию испытания и поступок героя, раскрывающий его нравственный выбор» [там же]. Этот выбор определяется уже в диалоге Якова с родителями после встречи с «зеленым старичком» («очевидной проекции на библейский сюжет о яблоке с Древа познания»), в котором проявляется его личностное «я»: «Способность к самоопределению и самоосознанию и, следовательно, к другой, иной, жизни, – вот что испытывается в Якове видениями

¹ См.: Тамарченко Н.Д. Повествователь // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий. – Москва, 2008. – С. 167.

дьявола и его искушением» [4, с. 154]. Испытания Яков не проходит, об этом свидетельствует «эпизод, в котором отец Алексей рассказывает о смерти и похоронах Якова»¹ [там же]. История Якова спроецирована и на другой библейский сюжет: притчу о блудном сыне. В «Рассказе...» есть и отец, и два сына; старший «вышел в архиереи – и скончался не так давно у себя в епархии»², младший, подобно притчевому персонажу, «отошел на страну далече» (Лк. 15:13). Его возвращение, однако, «совершается поневоле и не заканчивается осознанием правильности возврата или раскаянием» [4, с. 154]. Своеобразная причастность повествующего, т.е. отца Алексея, к последней истине «позволяет завершить повесть как бы прощением “блудного сына”», а значит, оценкой событий «с более высокой – авторитетной – позиции» (что отвечает требованиям жанра) [4, с. 155].

Однако эта история дана не сама по себе, а внутри высказывания анонимного повествователя, что, во-первых, меняет предмет изображения: «В центре оказывается не собственно история Якова, а встреча с отцом Алексеем и его *рассказ*, т.е. его *типическое слово*». Во-вторых, «слово отца Алексея представлено как отдаленное в пространстве и времени, заключенное в рамку слова повествователя и *не требующее ответа*, т.е. *недиалогическое*» [4, с. 156]. В результате все описанное в «Рассказе...» «как бы вынимается из исторического и всякого другого контекста и представляется отдельной, замкнутой историей, в своеобразной форме “медальона”», а задачей обрамления исповеди отца Алексея становится создание «портрета определенного типа человека и его слова» [там же].

Сам Тургенев причислял «Рассказ...», наряду с другими произведениями 1860–1880-х годов, к так называемым «студиям», о чем неоднократно сообщал в письмах. «“Рассказ отца Алексея” – один из результатов поиска новой формы, направленной на создание образа типического русского человека, а потому здесь используются очерковые приемы, хорошо известные Тургеневу. Однако

¹ См.: Тургенев И.С. Рассказ отца Алексея. – С. 131–132.

² Там же. – С. 122.

внутри формы этого очерка помещается история, написанная в жанре повести, к тому же – с особой точки зрения; и акцент читательского внимания переносится на нее. Потому не случайно, что повествовательная рамка становится незаметной на фоне истории отца Алексея и ускользает от внимания читателей и даже исследователей»; но «конечным определением жанра “Рассказа отца Алексея” все же следует считать *очерк*» [4, с. 157].

Список литературы

- 1 Антонова М.В. «Рассказ отца Алексея» И.С. Тургенева в контексте традиций древнерусской литературы // Аксиологическое пространство русской словесности : традиции и перспективы изучения : материалы международной научной конференции «Кусковские чтения. Аксиологическое пространство русской словесности : традиции и перспективы изучения», г. Москва, 3–6 октября 2019 г. / сост. М.В. Михайлова. – Москва : Издательский центр МГИК, 2019. – С. 445–453.
- 2 Дроздова А.В. Проблема поколений в повести И.С. Тургенева «Рассказ отца Алексея» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2009. – № 3. – С. 69–72.
- 3 Иоскевич О.А. Образ «ненадежного» нарратора в «таинственных повестях» И.С. Тургенева : специфика проявления и основные функции // LITTERA TERRA : материалы VII Международной конференции молодых ученых «Littera terra : проблемы поэтики русской и зарубежной литературы», 7 декабря 2018 г., Екатеринбург / Урал. гос. пед. ун-т ; гл. ред. И.А. Семухина. – Екатеринбург : [б. и.], 2018. – Вып. 13. – С. 35–41.
- 4 Козьмина Е.Ю. Нарративная структура и проблема жанра в «Рассказе отца Алексея» И.С. Тургенева // Новый филологический вестник. – 2019. – № 3 (50). – С. 149–159.
- 5 Конышев Е.М. «Иной мир» в изображении Тургенева и Достоевского («Рассказ отца Алексея» и «Бесы») // Спасский вестник. – 2014. – № 22. – С. 25–30.
- 6 Конышев Е.М. Христианские мотивы в творчестве Тургенева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – № 1. – С. 175–186.
- 7 Кургузова Н.В. Фольклорные и житийные мотивы в «Рассказе отца Алексея» И.С. Тургенева // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2019. – № 1 (82). – С. 112–115.
- 8 Мусий В.Б. Мифопоэтическое и психологическое в «Рассказе отца Алексея» И.С. Тургенева // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. Філологічні науки. Літературознавство [электронное издание]. – 2011. – № 13. – URL: https://studylib.ru/doc/2239006/stat_ya-opublikovana-v-naukovij-v%D1%96snik-volins_kogo (дата обращения: 07.02.2021).